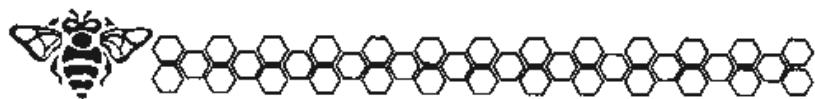
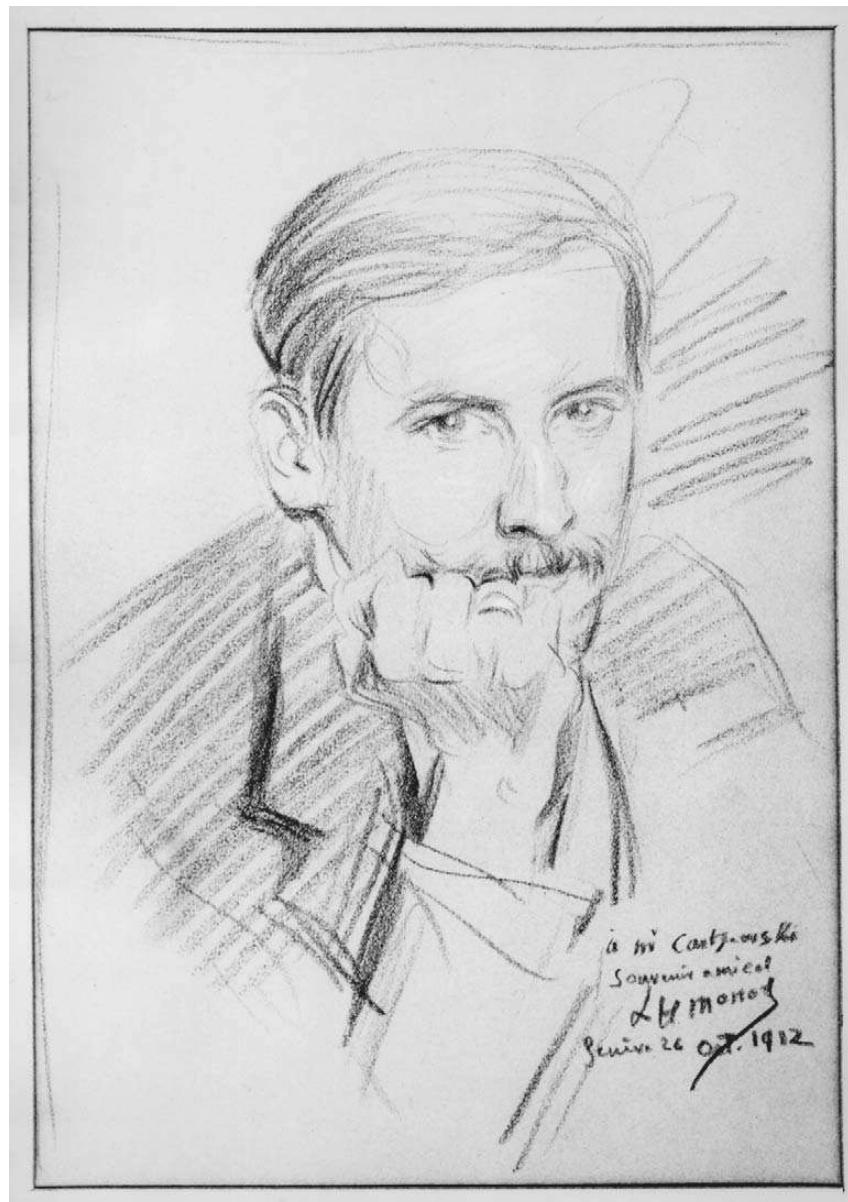

STUDIA PHILOLOGICA

Сергей Иосифович Карцевский

(Портрет сделан Люсъеном Моно, отцом будущего лауреата Нобелевской премии Жака Моно в октябре 1912 г.)

С. И. КАРЦЕВСКИЙ

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ

II

СОСТАВЛЕНИЕ, ПЕРЕВОД,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
И. И. ФУЖЕРОН, Ж. БРЕЙАР, Ж. ФУЖЕРОН

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2004

ББК 81.031
К 21

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 02-04-16100

Карцевский С. И.

К 21 Из лингвистического наследия. [Т.] II / Сост., перев., вступл. ст. и
коммент.: И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. – М.: Языки славян-
ской культуры, 2004. – 296 с. – (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-160-8

Настоящая книга задумана как второй том выпущенной в 2000 году трии же изда-
тельством книги «С. И. Карцевский. Из лингвистического наследия». Цель данного
издания — представить широкой лингвистической аудитории некоторые работы Кар-
цевского, написанные более пятидесяти лет назад и никогда не издававшиеся на рус-
ском языке.

В околос того тезиса лежат югов Карцевского «Система русского языка», переве-
денная на русский язык. Решение вывести из забытия концептуальную работу ученого
пришло к мысли об издании в переводе и некоторых других работ Карцевского, опуб-
ликованных в разных годах и разбросанных по разным сборникам. Книга позволяет
проследить одну из особенностей манеры Карцевского-исследователя, в начине, неод-
нократное возвращение к одиакону затронутой теме и углубление ее анализа.

ББК 81.031

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail:
koshelcv.ad@comu-net.ru), the Danish bookseller G-E-C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail:
slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской куль-
туры», имеет только датская книготорговая фирма G-E-C GAD.

9 785944 571601 >

© И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. Составле-
ние, перевод, вступительная статья и комментарии,
2004

© Языки славянской культуры. 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вступительная статья</i>	7
<i>От составителей</i>	25
 I. Система русского глагола	
Предисловие	31
Литература	33
<i>I. Введение</i>	
§ 1. Общие положения	39
§ 2. Семиологическое значение	44
§ 3. Идентификация	52
§ 4. Актуализация	62
§ 5. Выводы	65
<i>II. Семантические классы глаголов</i>	
§ 6. Классификация глаголов	70
§ 7. Продуктивные классы	75
§ 8. Непродуктивные группы	88
§ 9. Префиксация	100
§ 10. Ударение	104
<i>III. Переходность</i>	
§ 11. Введение	107
§ 12. Транзитивация	110
§ 13. Нейтрализация	114
<i>IV. Вид</i>	
§ 14. Введение	118
§ 15. Отглагольные образования	122
§ 16. Перфективация	125
§ 17. Имперфективация	130
§ 18. Непродуктивные типы	135

§ 19. Стирание видовой оппозиции	146
V. Деятель	
§ 20. Деятель и подлежащее	148
§ 21. Обезличивание	151
VI. Лицо	
§ 22. Лицо и подлежащее	157
§ 23. Обобщение лица	160
VII. Наклонение	
§ 24. Общие положения	163
§ 25. Повелительное наклонение	165
§ 26. Изъявительное наклонение.....	169
§ 27. Гипотетическое наклонение	172
VIII. Время	
§ 28. Временная перспектива	174
§ 29. Совершенный вид и время	176
IX. Неличный глагол	
§ 30. Общие положения	183
§ 31. Инфинитив, деепричастие, причастие	187
Заключение	189
Приложение	
№ 1: Заметки о классификации глаголов	191
№ 2: Заметки о приставке <i>о</i> (<i>об</i> , <i>обо</i>)	197
№ 3: Об удлинении гласной корня при префиксации	199

II. Статьи

Понятие процесса в русском языке	209
Заметки о психологии видов в русском языке	221
Об асимметричном дуализме лингвистического знака	239
О фонологии фразы	246
<i>Указатель терминов</i>	290

Вступительная статья

Изучают почерк, манеру писателя. Но можно также говорить о почерке ученого. Существует особая манера анализировать предмет своих изысканий, обнародовать результаты, она и создает почерк каждого отдельного лингвиста.

У С. И. Карцевского был свой почерк. Он выражался прежде всего в скромности. Она проявлялась в выборе и ограничении сферы исследования – русский язык, и только он, а через него и языковая деятельность. Однако не следует заблуждаться: скромность прекрасно сочеталась с железной твердостью, когда надо было защищать свои убеждения, то, что он считал верным. Тогда не принимались в расчет ни время, ни силы, ни личные отношения.

К почерку Карцевского относится и постоянное стремление к совершенству, которое в некоторой мере ограничивало и задерживало его публикации.

Наконец, говоря о его почерке, нельзя забывать, что научная деятельность Карцевского была всегда связана с преподаванием – отсюда ясность и доступность выражения.

Почерк Карцевского вырабатывается в постоянном углублении однажды рассмотренных вопросов. Почти каждая из его зрелых работ восходит к исследованиям более раннего периода и является их продолжением.

Р. Якобсон, говоря о творчестве Карцевского, называет его *Summa linguistica*, которая осталась незаконченной. В действительности незаконченность является внутренним качеством, свойственным почерку Карцевского. Именно она делает «Систему русского глагола» центральным произведением всего творчества ученого. При внимательном чтении нетрудно выявить основные темы, которые будут разрабатываться в последующие годы, что делает эту работу «шестилетней давности» одновременно итогом, манифестом и программой дальнейших иссле-

дований. Любовь мастера к своему произведению в соединении с постоянным стремлением к совершенству выражает особое отношение к времени, которое приводит к тому, что «старая» работа становится лучше, потому что она дозрела. «Введение», пишет Карцевский в «Предисловии», было «написано заново», т. е. специально к изданию книги.

Можно было бы сравнить публикации Карцевского с палимпсестами, на которых на месте одних надписей возникают другие. Так, в I главе («Введение») «Системы русского глагола» выражена уже полностью сформулированная мысль о природе лингвистического знака. Впервые эта идея высказана Карцевским в 1925 г. в его статье «О формально-грамматическом направлении»¹. Эту мысль он разовьет двумя годами позже на Первом съезде филологов-славистов (1929 г.) в докладе «Об асимметричном дуализме лингвистического знака», вероятно, наиболее известной из его работ. Якобсон в некрологе, посвященном Карцевскому², вспоминает, как Карцевский, не успев заранее подготовить свой доклад, «судорожно импровизировал его в маленьком уютном пражском кафе». Учитывая выше сказанное, становится понятным, что «импровизация» была лишь новым оформлением давно созревшей идеи. Именно в этом смысле следует понимать слова Якобсона, когда он относит к самому Карцевскому то, что тот говорил о будущем времени совершенного вида: «У него прошедшее и будущее легко соединялись».

«Система русского глагола» определяет последующие исследования Карцевского, как эти последние объясняют предыдущие, — все творчество Карцевского представляет систему. Особенности почерка Карцевского делают понятным тот факт, что «Введение», написанное через шесть лет после основной части книги, не производит впечатления чего-то привнесенного, ограниченного, а наоборот, дает ключ к книге, поднимает ее до уровня общего языкоznания, формулирует и разъясняет последовательно проводимый метод. В этом смысле «Введение» может рассматриваться как вполне самостоятельная статья, излагающая научные позиции Карцевского и представляющая избранный им метод анализа. Этим объясняется двойная аргументация, высказанная им в «Предисловии»: с одной стороны, наблюдается «зна-

¹ С. И. Карцевский. Из лингвистического наследия. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 39–40 [далее — М., 2000].

² S. Karcevski. *Inédits et introuvables*. Paris: Peeters éd., 2000, p. XIX sq. [далее — Р., 2000].

читательный» по времени разрыв между «Введением» и всем остальным, а с другой — «легко убедиться», что в основе и того и другого лежат «одни и те же принципы». То, что было «лишь смутной неуловимой интуицией», теперь разъясняется в «терминах функциональной логики». Нельзя не отметить способность Карцевского рассматривать свою работу в перспективе длительного исследования, что заставляет его принести извинения за представление «не вполне организованной работы».

Система русского глагола. Впервые в этом «Опыте синхронического лингвистического описания» русский глагол рассматривается как система в строго синхронической перспективе. Именно эта перспектива заставляет Карцевского отбросить все «до сих пор предложенные» классификации (с. 70), и в частности классификацию Лескина-Буйе. Ученик Фортунатова, Поль Буйе, применил к современному русскому глаголу принцип классификации, предложенный Лескиным для ста-рославянского глагола. Карцевский, как и Н. Дурново в 1915 г., ставит в упрек Буйе смешение диахронии и синхронии. Именно из-за этого глагол *писать*, который в результате действия исторического юнита представляет в корне чередование согласных *с/ш*, оказывался в группе С вместе с глаголами, основа которых в настоящем времени содержит юнот: *delat'*—*delaj-u*.

Карцевский ставит вопрос о самой сути классификации. Классифицировать — это не значит навести порядок в хаосе, это значит определить «основные нити, которые соединяют глаголы между собой и которые вместе с тем связывают их с другими словами языка» (с. 71): классифицировать — это выявить систему³.

Новым критерием, предложенным Карцевским, является *продуктивность*, или «влияние по аналогии». Этот критерий определяется возможностью или невозможностью исчисления. Класс характеризуется формами инфинитива и 3-го лица единственного числа. На этой осно-

³ Интересно по этому поводу привести строки из письма Карцевского Н. Н. Дурново от 5/II 1926 г.: «Вы пишете, что можно двояко смотреть на задачи классификации: 1° [с точки зрения (?)] практики — удобное расположение материала, и 2° — установить ассоциации, действительно существующие у говорящих. Первый взгляд я решительно отвергаю. Не мы должны вносить порядок в жизнь, а выяснить тот порядок, который в ней уже существует и называется жизнью». — *Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistics Circles, 1912–1945/ Ed. by Jindrich Toman// Michigan Slavic Publications / Cahiers Roman Jakobson, I. Ann Arbor, 1994, p. 117.*

ве выделяется 5 классов продуктивных глаголов, количественно неограниченных и расположенных по «возрастающей сложности»: степень сложности глагольной парадигмы выступает здесь как второй критерий классификации. Так, класс I представлен глаголом *игратъ, играют*, где нет никаких фонетических чередований: «его спряжение, ударение, видовые формы выступают в единстве друг с другом». К этим пяти классам прибавляется семь групп глаголов, число которых, по мнению Карцевского, не превышает 400.

Но новизна «Системы русского глагола» не ограничивается введением критерия продуктивности в основу классификации. Чем же оригинальна эта работа?

Прежде всего следует отметить большое теоретическое значение «Введения». «Основной идеей» своей книги Карцевский считает одно из главных положений де Соссюра: «В языковой системе нет субстанции» (с. 69). Субстанция существует лишь как обрамление языковой деятельности: физическая сторона звука с одного края и «психическое содержание нашего сознания» – с другого. Но Карцевский не ограничивается проповедью идеи де Соссюра и утверждает свой взгляд на язык как место проявления конфликтов, напряжения и борьбы. По мнению Карцевского, в языке нет ничего статичного. В языке постоянно наблюдается борьба между лексикологией – стремлением к произвольному и фонологическому знаку, и синтагматикой – стремлением к мотивированному и морфологическому знаку (с. 40). Эта идея конфликта и компромисса наблюдается между говорящим и слушающим, между единичным, неповторимым характером каждой конкретной ситуации и общим характером языка.

Среди особенно важных моментов следует отметить рассуждение об асимметрии знака. «Любое значение, которое, как нам кажется, мы ограничили, реализуя его в фразе, на самом деле лишь точка пересечения серии идеологических фактов с серией психологических фактов. Это значение виртуально [virtuellement] может быть одновременно и синонимом и „омонимом“» (с. 57).

Для Карцевского является характерным постоянное внимание к непрерывному и подвижному характеру языковых явлений. В этом отношении его, может быть, можно в большей степени считать последователем Ш. Балли, чем Ф. де Соссюра. Не случайно он упоминает о важности «переходных зон» между классами, между понятиями. Примером этого, по мнению Карцевского, может служить возможность постепенного перехода от транзитивного глагола к нетранзитивному